

Н. Т. Ашимбаева

ОТРАЖЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА ДИККЕНСА В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО

Великий английский романист несомненно был одним из «вечных спутников» Достоевского. Творчество Диккенса, как и Бальзака, составляет во многом тот культурный пласт, который был органически вплавлен в его художественный мир. В таких произведениях, как «Село Степанчиково и его обитатели», «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», находим разнообразные связи с миром романов Диккенса. Многие «цитатные ситуации» в романах Достоевского уже были описаны в исследовательской литературе и прочно вошли в научный обиход. Среди отечественных исследователей, посвятивших свои труды теме взаимодействий художественных миров Достоевского и Диккенса, необходимо назвать И. М. Катарского, Б. Г. Реизова, А. С. Долинина, Ф. И. Евнина, Г. Каткова, Р. Г. Назирова.¹ В зарубежной науке о влиянии Диккенса на Достоевского писали J. Frank, N. Lagy, L. MacPike, M. H. Futrell, D. Fanger и др. Однако исследования, посвященные теме «Достоевский и Диккенс», — по большей части давние²; многие наблюдения, содержащиеся в них, оказались забытыми, выпали из поля зрения современных комментаторов Достоевского, а некоторые реминисценции Диккенса в произведениях Достоевского до сих пор остаются неотмеченными.

Достоевский читал многие романы Диккенса уже в юношеском возрасте, так как их русские переводы стали появляться в 1830-е гг. Правда, с полной уверенностью можно констатировать факт такого знакомства относительно далеко не всех романов. Он, безусловно, читал и хорошо знал «Лавку древностей», «Посмертные записки Пиквикского клуба», «Оливера Твиста», «Домби и сын», «Жизнеописание Дэвида Копперфилда», «Холодный дом». В «Дневнике 1867 года» А. Г. Достоевская записала, что в дрезденской библиотеке «Федя взял „Nikolas Nickleby“»³. Другая запись (20 / 8 сентября) свидетельствует о чтении «Крошки Доррит».⁴

¹ См.: Катарский И. Диккенс в России. Середина XIX века. М., 1966; Катков Г. Стирфорд и Ставрогин // Slavonic and East European Review. № 27. [1949]. P. 469–486; Назиров Р. Г. Диккенс, Бодлер, Достоевский // Уч. записки Башкирского гос. университета. 1964, вып. 17. Серия филологических наук. № 7 (11). С. 169–182.

² Из работ последнего времени можно указать: Михновец Н. Г. От Ч. Диккенса к Достоевскому и Толстому («Рождественская песнь в прозе» — «Сон смешного человека» — «Сон молодого царя») // Филологические записки: Вестник литературы и языкознания (Воронеж). 2004. № 21. С. 51–65.

³ Достоевская А. Г. Дневник 1867 года. М., 1993. С. 69.

⁴ Там же. С. 260.

Известно также, что в последней квартире Достоевского на Кузнечном переулке существовала книжная торговля для иногородних, которой занималась А. Г. Достоевская; среди книг, распространявшихся таким способом, были и некоторые романы Диккенса (их перечень, написанный рукой А. Г. Достоевской, содержится в письме Достоевского к Неустановленному лицу от 19 декабря 1880 г.): «„Записки Пиквикск<ого> клуба“ 3 р. 50; „Приключения Никльби“ 2 р.; „Домби и сын“ 3 р. 50; „Холодный дом“ 3 р.; „Давид Копперфильд“ 4 р.» (30₁; 238).

В письме к Н. Л. Озмидову (18 августа 1880 г.), откликаясь на просьбу посоветовать, что читать его дочери, Достоевский писал: «Диккенса пусть прочтет всего без исключения». (30₁; 212). Прочитал ли сам Достоевский «всего без исключения» Диккенса, сказать с уверенностью нельзя, но то, что ему были известны и другие романы, помимо перечисленных, в этом сомневаться не приходится, — доказательства этого присутствуют в его произведениях.

«Достоевский любил устанавливать своим персонажам литературную родословную, — писал С. Г. Бочаров, добавляя при этом: — особенно охотно пушкинскую родословную...»⁵. Однако многие персонажи и ситуации произведений Достоевского полигенетичны и нередко одновременно оказываются цитатными по отношению к разным источникам, среди которых немало связанных с миром романов Диккенса. Это отражения «Лавки древностей» в «Униженных и оскорбленных»⁶, «Записок Пиквикского клуба» — в «Селе Степанчикове»⁷. В романе «Идиот» мистера Пиквика, по указанию самого Достоевского, можно рассматривать как одного из прототипов князя Мышкина. Однако случай с Пиквиком, пожалуй, единственный, когда Достоевский раскрыл связь своего персонажа с героем Диккенса, причем такого героя, который все-таки не слишком похож на Пиквика, в то время как у Достоевского немало диккенсовских ситуаций, которые он сам ни в каких источниках напрямую с Диккенсом не связывал.

Не имея возможности обозначить и проанализировать всю огромную «диккенсиану» Достоевского, обратимся преимущественно к таким реминисценциям в тех романах Диккенса, относительно которых нет прямых данных о знакомстве с ними Достоевского.

Среди них особенно интересен роман «Наш общий друг». Хотя нигде у Достоевского, а также ни в Дневнике, ни в Воспоминаниях А. Г. Достоевской мы не встречаем даже его упоминания, но различные реминисценции этого произведения присутствуют в его романах начиная с «Преступления и наказания». Русский перевод романа «Наш общий друг» был напе-

⁵ Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 157 (из статьи «Онегин и Ставрогин»).

⁶ См.: Mac Pike L. Dostoevsky's Dickens. A Study of Literary Influence. Totowa–New Jersey, 1981; Lary N. M. Dostoevsky and Dickens. A Study of Literary Influence. London and Boston, 1973.

⁷ См.: Реузов Б. Г. К вопросу о влиянии Диккенса на Достоевского // Язык и литература. 1930. № 5. С. 253–270.

чтан в 1864–1866 гг. в журналах «Отечественные записки» и «Русский вестник». Вполне естественно, что он отразился в «Преступлении и наказании», над которым в это время шла работа. На сходство переживаний Раскольников и Брэдли Хэдстона после совершения убийства указал еще Страхов⁸, о чем Достоевский, конечно, знал. Следы влияния романа «Наш общий друг» присутствуют в «Идиоте», что отметил Ф. Евнин и даже обозначил некоторые парные сопоставления: Джон Гармон — князь Мышкин, Белла Уилфер — Аглая, Бредли Хэдстон — Рогожин.⁹ Однако эти остроумно подмеченные параллели все-таки оставляют вопрос: сознательно ли они выстроены или являются результатом *подспудно* отложившихся в памяти «литературных припоминаний» (по определению А. Бема). В этом плане любопытна комическая переключка второстепенных персонажей: — Вегга и Лебедева. Последний рассказывает историю о своей отстреленной французами ноге, которую он похоронил на Ваганьковском кладбище и постоянно отслуживает по ней панихиды, для чего специально ездит в Москву. В романе «Наш общий друг» Вегг, у которого ампутировали в больнице ногу, узнает, что она попала к чучельнику Венусу, но оказалась негодной для составления сборного скелета, после чего Вегг пожелал выкупить у Венуса эту драгоценную для него ногу и был оскорблен тем, что Венус непочтительно принес ему ногу под мышкой, а не нанял для такого дела кеб. У Достоевского это особенное почитание отрезанной ноги доведено до комического абсурда и сарказма, так как нога у Лебедева на месте. Однако подобные мелкие, второстепенные реминисцентные эпизоды порой весьма красноречиво обнаруживают знакомство Достоевского с романом Диккенса, а также указывают на механизм переосмысления заимствованного мотива.

Про роман «Наш общий друг» можно сказать, что это одно из самых «достоевских» произведений Диккенса, так как его влияние заметно в трех романах: «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы».

Остановимся на «Бесах», которые вообще исключительно богаты разнообразными диккенсовскими отражениями («Барнеби Раджо», «Наш общий друг», «Давид Копперфильд»). Не все они были отмечены в примечаниях к Полному собранию сочинений в качестве источника некоторых образов Достоевского.

Так, маленькая кукольная швея Дженни Рен имеет много черт сходства с Марьей Тимофеевной Лебядкиной. Она, как и Марья Тимофеевна, мечтательница и фантазерка, странное существо, одаренное неясным, интуитивным даром, способностью угадывать тайную сущность человека: Дженни с первого взгляда почувствовала, что Хэдстон опасный человек, как Хромоножка увидела в Ставрогине не светлого жениха, сказочного князя, а Гришку Отрепьева, самозванца. Долгими днями, сидя в полном

⁸ См.: Страхов Н. Н. Литературная критика. М., 1984. С. 116–117.

⁹ См.: Евнин Ф. И. Об источниках романа Достоевского «Идиот» // Искусство слова. М.: Наука, 1973. С. 208–216.

одиночестве в убогой хижине за своей работой, она мечтает о будущем женихе, о котором рассказывает своей подруге Лиззи как о совершенно конкретном человеке и так же, как Марья Тимофеевна, называет его «мой». Дженни Рен еще совсем ребенок, но у нее от работы и убогой жизни «спина болит и ноги не слушаются», она тоже «хромоножка». С нею вместе живет пьяница—отец, с которым Дженни обращается весьма сурово, называет его «дрянным старым мальчишкой», своим ребенком, всячески шпыняет это жалкое существо, подобно тому, как Марья Тимофеевна свысока третирует своего брата Лебядкина. Но в то же время Дженни кормит своего отца—пропойцу; кстати, его гибель под колесами экипажа поразительно напоминает гибель Мармеладова. С Петербургом «Преступления и наказания» ассоциируются и образы Лондона. Но эта параллель относится не только к роману «Наш общий друг», но также и к романам «Лавка древностей», «Крошка Доррит» и др. Лондон Диккенса и Петербург Достоевского вообще имеют немало общих черт.

Дженни Рен и Марья Лебядкина, каждая по—своему, юродивые, сумасшедшие, но такие, каких «Бог любит». Скорее всего, образ Дженни Рен дал какой—то импульс для создания образа Хромоножки. Однако на этом примере можно особенно ясно увидеть не только сходство образов, но и существенную разницу между ними. Если исходные черты образов обеих героинь близки, так что эта похожесть выступает достаточно ярко, то развитие образа идет у Достоевского совершенно иным путем, чем у Диккенса. Дженни Рен в конце романа оказывается в кругу любящих ее, состоятельных и благородных друзей, она продолжает шить своих кукол в уютной комнате—мастерской, а вместо неведомого загадочного жениха появляется неотесанный, но добрый, мастеровитый Хлюп.

Житейски беспомощные, хрупкие диккенсовские безумцы, юродивые, чудачки, кроткие и незаметные в обществе люди (как Джо — «Большие надежды», Том Пинч — «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита» и др.) — это герои чистые сердцем, обладающие особым душевным тактом, добротой и мудростью. Эти черты героев Диккенса были близки и дороги Достоевскому. Именно о Диккенсе — создателе целой галереи таких образов — Достоевский отозвался как о великом христианине, однако впоследствии признал, что «идеал его слишком скромн и незамысловат» (24; 159).

В благополучных финалах романов Диккенса реализовывалась его утопия, мечта о благородстве и сострадательности, которые должны были украсить и спасти мир, о воздаянии здесь, на земле, за терпение, кротость, причем воздаяние мыслилось не только в виде разрешения душевных страданий, но и подкрепленным хотя бы скромным, но надежным устройством материальных дел — идиллия в духе «Старосветских помещиков». Конечно, диккенсовская идиллия как последний идеал счастливого устройства жизни людей представлялась Достоевскому наивной и архаичной.

Совсем по—другому складывается судьба юродивых Достоевского. Они чаще всего становятся трагическими жертвами зла, которого нет в их душе, но перед которым они беззащитны (Лизавета в «Преступлении и

наказании», князь Мышкин, Хромоножка, Лизавета Смердящая). В героине Диккенса — Дженни Рен, как и в других его «странных» героях, нет того экзотического, мистического начала, которое есть в природе Хромоножки. С. Н. Булгаков писал об этой героине Достоевского: «Хромоножка — ясно-видящая, она из рода сивилл, которые читают в книге судеб с закрытыми глазами. <...> Она медиум, хотя по чистоте своего сердца и под щитом своей юродивости, уродства и слабоумия она недоступна силе зла и открыта добру»¹⁰.

При всех различиях в понимании христианского идеала есть, однако, и немало общего у русского и английского писателей. Особенно ярко это сходство проявилось в понимании исторических потрясений и способов изменения жизни людей. У Диккенса этим проблемам посвящены его исторические романы «Барнеби Радж» (1841) и «Повесть о двух городах» (1859). В первом романе изображено антикатолическое восстание 1780 г. под предводительством лорда Джорджа Гордона¹¹. Во втором — жизнь частных людей на фоне событий Великой Французской революции.

Существенные переклички с романом «Барнеби Радж», относительно знакомства с которым Достоевского также нет точных данных, обнаруживаются в «Бесах». Достоевский писал, что хотя образ Петра Верховенского и всей группы «наших» создавался под впечатлением нечаевского процесса, но Нечаева как личность он не знал и не претендовал на воспроизведение его портрета (см.: 21; 125). Однако у Петра Верховенского есть литературный прототип — это Гашфорт из романа «Барнеби Радж», двуличный и циничный секретарь лорда Гордона, религиозного фанатика, имевшего в английском обществе репутацию безумца. Роль Гашфорта при лорде Гордоне, как это изобразил Диккенс, подобна той, которую хочет играть и частично играет Петр Верховенский при Ставрогине. Обоим необходим аристократ, который мог бы стать знаменем, символом движения, его моральным и эстетическим оправданием в глазах массы, не ведающей тайных политических пружин, но нуждающейся в лозунгах, в идеале. Гашфорт исподволь провоцирует начало восстания, а затем погромы католических церквей и домов католиков, то есть «пускает смуту», используя при этом темную массу, чернь. Он пользуется религиозным фанатизмом лорда Гордона, поддерживает в нем пафос защиты протестантизма, используя лесть, показную преданность делу и т.д., в то время как сам, будучи законченным циником, готов на любое предательство. В этом романе Диккенс показал ту иерархию мятежа, политического заговора, которую находим и в «Бесах»: аристократ, стоящий во главе смуты, далекий от черни, но тайно связанный с нею, нуждающийся в ней для осуществления фанатических идей или личной корысти. У Диккенса это, с одной стороны, лорд Гордон, с другой — Джон Честер (по цинизму и интриганству он в большей степени сопоставим с Гашфортом). У Достоевского это Став-

¹⁰ Булгаков С. Н. Русская трагедия // Булгаков С. Н. Соч. в 2-х т. М., 1993. Т. 2. С. 506–507.

¹¹ Gordon George, lord (1751–1793). См. о нем: La Grande encyclopédie. Inventaire raisonné de sciences, de lettres et des arts. T. 1–31. Paris. [1885–1901]. T. 19. [S. a.]. P. 14.

рогин — по роли, которую ему навязывает Верховенский. Сам же Ставрогин аполитичен и равнодушен. Его образ точно соотносится со Стирфордом из романа «Давид Копперфильд», своего рода «калькой» которого является Ставрогин по личностным качествам и по сходству его отношений с другими героями романа и даже по созвучию имен. Этому интереснейшему сопоставлению было посвящено уже несколько исследований (Л. Мак-Пайк, Н. Лари, Г. Катков)¹², а потому здесь мы не останавливаемся на нем.

Посредником и помощником («секретарем») такого героя являются властолюбцы и мошенники, как Гашфорт или Петр Верховенский, а уж они-то умело манипулируют людьми с меньшим «кругозором». У Диккенса это Симон Тэппертит, озлобленный силач Хью, палач Деннис и, наконец, несчастный идиот Барнеби, которого толкают на передний край восстания со знаменем в руках, используя его полное непонимание смысла происходящего. У Достоевского — это одуроченные «наши», Лебядкин, Федька Каторжный. Трудно окончательно определить, заимствована ли эта схема Достоевским у Диккенса, или здесь два писателя сходным образом постигли механизм политического авантюризма в истории. Сопоставление романов «Бесы» и «Барнеби Радж» было сделано впервые в книге Н. Лари, который также задается вопросом, насколько сознательно использованы Достоевским образы романа «Барнеби Радж», и считает, что сама по себе психология злодея не является достаточным доказательством заимствованного характера образа. Но в Гашфорте есть конкретные черточки, которые живо напоминают Петра Верховенского, прежде всего манерой поведения: оба героя, и Гашфорт, и Верховенский, много и изворотливо говорят, во время беседы едят, пьют, подстригают ногти, оба стремятся к одурманиванию народа с помощью религии, броских лозунгов и алкоголя. Наконец, в отношении того и другого есть определенные намеки на роль провокаторов, связанных с тайной полицией.

В главе 50 «Барнеби Раджа» описано, как Гашфорт направил своих «подчиненных» на погром церкви, а потом «крадучись бродил в толпе», прислушивался, наблюдал зарево пожара, видел, как промчалась толпа, впереди которой бежали Хью, Деннис и Барнеби. Эта картина напоминает главу «Окончание праздника» в «Бесах», где описан пожар в Заречье, явившийся результатом провокации все того же двойника Гашфорта — Петра Верховенского.

В романе «Повесть о двух городах» эмблемой событий эпохи террора стал лозунг Великой Французской революции «Liberté, égalité, fraternité», который к августу 1793 г. приобрел зловещее продолжение — «Liberté, égalité, fraternité ou la mort!» Впервые в такой формулировке этот лозунг появляется в июне 1793 г.¹³

¹² См.: примеч. 1, 6.

¹³ См.: Бабкин А. М., Шендецов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов. СПб., 1994. Т. 2. С. 803–804.

И опять сближение Достоевского с Диккенсом: этот лозунг и именно в этой же формулировке: «fraternité ou la mort!» — с едким сарказмом вспоминает Достоевский в «Зимних заметках о летних впечатлениях». Эта формула представлялась Достоевскому настолько выразительной и вопиющей, что он возвращался к ней и в «Идиоте» (8; 451), и в «Бесах» (10; 473 — лозунг «Liberté, égalité, fraternité ou la mort» вписывает в свою предсмертную записку обезумевший Кириллов). Этот лозунг был для Достоевского доказательством невозможности братства в мире, где нет братьев. Вновь возникает вопрос: читал ли Достоевский «Повесть о двух городах»? Продолжил ли он, развивая ее в своей философской и художественной системе, мысль Диккенса о невозможности достижения братства и любви через насилие, ненависть и террор, или в этих раздумьях у обоих писателей был общий источник? Скорее всего, им могла быть «История Французской революции» Томаса Карлейля, но прежде всего, в основе такой позиции лежит христианский взгляд на историю, присущий обоим писателям.

Русский перевод «Повести о двух городах» был напечатан в «Отечественных записках» в 1859 г. Это обстоятельство делает весьма вероятным прочтение Достоевским нового романа любимого писателя, книги которого он читал в ссылке. Можно предположить, что один из персонажей «Повести о двух городах» отразился в «Преступлении и наказании», а именно в образе следственного пристава Порфирия Петровича. Имеется в виду Сидни Картон — судейский чиновник, внешне потрепанный, как будто ко всему безразличный, но по сути настоящий диккенсовский герой, способный на глубокое чувство и самопожертвование. При подчеркнутом внешнем равнодушии и рассеянности Картону свойственны профессиональная наблюдательность и острота. На себя он смотрит как на потерянного и никчемного, никому не нужного человека. Близкое самоощущение, при внешнем сходстве, присуще и Порфирию Петровичу, который во время последней встречи с Раскольниковым говорит о себе: «Кто я? Я поконченный человек, больше ничего. Человек, пожалуй, чувствующий и сочувствующий <...>, но уж совершенно поконченный» (6; 352), и в этом признании неожиданно приоткрывается тайная, интимная стороны личности этого героя.

Конечно, несколько штрихов в образе героя Диккенса, вызывающих ассоциации с тем или иным героем Достоевского, еще не есть доказательство заимствованного характера образа. Но таких летучих, локальных моментов сходства с миром романов Диккенса в произведениях Достоевского можно найти немало. Иногда они проявляются в большей или меньшей «похожести» персонажей (как Дженни Рен — Марья Лебядкина, Картон — Порфирий Петрович и др.), в иных случаях — в некотором сходстве фрагментов сюжетных ситуаций или каких-то частных эпизодов. Так, в романе «Жизнь и приключения Николаса Никльби» можно заметить определенный параллелизм в исходной жизненной ситуации, в которой оказываются главные герои. Провинциальная английская семья: овдовевшая миссис Никльби со своими детьми — Николасом и Кэт, — приезжает

в Лондон искать покровительства и помощи у брата покойного мужа — Ральфа Никльби. Эта семейная группа напоминает другую — в романе «Преступление и наказание»: Пульхерия Александровна, Раскольников, Дуня. Брат и сестра в романе Диккенса, как и в романе Достоевского, — гордые, благородные; Николас вспыльчив, порой необуздан в гневе. Кэт с ее юностью, красотой и чистым отношением к людям вынуждена искать заработки, при этом ей приходится столкнуться с корыстью и грязными посягательствами. Мать и дочь обожают Николаса, как Пульхерия Александровна и Дуня — Раскольниковы. Определенное сходство в расстановке персонажей, в их отношении к жизни и людям в «Преступлении и наказании» и в романе о приключениях Николаса Никльби достаточно хорошо заметно, хотя дальнейшее развитие характеров героев и их судеб происходит по-разному в романах Диккенса и Достоевского.

Диккенсовские образы и мотивы у Достоевского в ряде случаев ярко выражены, несомненны — таково влияние «Лавки древностей» на роман «Униженные и оскорбленные» или «Давида Копперфильда» на «Бесы»

Значительная же часть диккенсовских отражений у Достоевского отмечена мгновенным сходством, но в процессе развития образа эта связь утрачивается. Таких беглых, локальных, «мерцающих» отражений из Диккенса немало разбросано в романах Достоевского. В очерке, посвященном Диккенсу, Дж. Оруэлл высказал такую мысль: «...Диккенс принадлежит к числу писателей, которых стоит обокрасть»¹⁴. Смысл этого высказывания Оруэлл поясняет следующим образом: «Диккенс, безусловно, писатель, которому части удаются больше, чем целое. Он весь в отрывках, в деталях <...> то же самое относится и к его персонажам: он выстраивает характер и вынуждает его потом совершать непоследовательные поступки <...> Они предстают поначалу как слайды волшебного фонаря, а потом оказываются героями низкопробной кинокартины»¹⁵. Это прекрасное сравнение (хотя и не со всем здесь можно согласиться) что-то объясняет и в характере реминисценций из Диккенса у Достоевского. Они именно вспыхивали, «как слайды волшебного фонаря», перед творческим воображением Достоевского, но, попадая в его художественный мир, претерпевали глубокие изменения, развивались уже по законам его творчества. Характерно, что в памяти Достоевского оставались именно наиболее яркие, артистически обрисованные персонажи или ситуации. Даже по обозначенному здесь ряду диккенсовских реминисценций в романах Достоевского можно видеть, сколь значим для него был мир английского писателя, который «неотступно стоял»¹⁶ в его творческом сознании.

Диккенс, воплотивший с исключительной полнотой мир викторианской Англии, оказался поразительно близок русскому писателю. «Между

¹⁴ Тайна Чарльза Диккенса. М., 1990. С. 235.

¹⁵ Там же. С. 240–241.

¹⁶ Долинин А. С. Последние романы Достоевского: Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.; Л., 1963. С. 100–101.

тем, — писал Достоевский, — мы на русском языке понимаем Диккенса, я уверен, почти так же, как и англичане, даже, может быть, со всеми оттенками; даже, может быть, любим его не меньше его соотечественников. А, однако, как типичен, своеобразен и национален Диккенс!» (21; 69). Насыщенность произведений Достоевского диккенсовскими реминисценциями — доказательство этой любви.